

Он открыл глаза, и первое, что он сделал, — это посмотрел на своего малыша, боясь, что тот испугался внезапного звука. Однако на кровати был только он сам. Подняв голову, он увидел, что его сердце чуть не разорвалось от ужаса.

Его малыш стоял босиком среди осколков, обычно живые глаза теперь были тусклыми, а в его тонкой и белой руке крепко сжимался осколок стекла, который он уже направлял к своей шее. В ужасе он закричал:

— Ихань! Что ты делаешь?!

Бай Ихань вздрогнул от его крика, остановившись на мгновение. Увидев, как Му Цзиньюань спрыгнул с кровати и бросился к нему с выражением ужаса на лице, в его голове пронеслась только одна мысль: Му Цзиньюань проснулся.

Он широко раскрыл глаза, полный страха, и инстинктивно отступил на шаг назад. На полу лежали осколки стекла, и он едва не наступил на них. Му Цзиньюань, испугавшись, резко остановился, едва не наступив на осколки, и поднял руки, показывая, что не представляет угрозы. Он не знал, что случилось с его малышом, но понимал, что тот был не в себе, и сейчас его нельзя было провоцировать.

Он мягко сказал:

— Ихань, что с тобой? Дай мне то, что у тебя в руке, хорошо? Это очень опасно.

Слезы Бай Иханя потекли, как бусы с оборванной нити. Он еще крепче сжал осколок стекла в руке, и из порезанной ладони потекла кровь, капая на пол. Дрожащим и хриплым голосом он сказал:

— Цзиньюань, прости... прости, я не хотел, я думал, что это сон, я не знал, что это реально... Цзиньюань, не сердись на меня, хорошо? Я не буду тебя беспокоить, я знаю, что мне не стоит существовать, без меня все будет лучше, я... я уйду туда, где мне место, не сердись...

— Сказав это, он, не медля, снова поднял руку и безжалостно направил осколок к своей шее!

Му Цзиньюань, почти теряя рассудок, бросился вперед, босиком наступая на осколки, оставляя кровавые следы, и схватил его руку.

Бай Ихань не удержал силу, и, хотя в последний момент его руку схватили, инерция все равно оставила тонкий порез на его шее, из которого потекла капля алой крови, пропитав воротник и проникнув в сердце Му Цзиньюана.

Сердце Му Цзиньюана готово было выпрыгнуть из груди, на лбу выступил холодный пот, дыхание стало прерывистым, и все тело дрожало. Он смотрел на Бай Иханя с налитыми кровью глазами, крепко сжимая его запястье, не обращая внимания на порезы от осколков, и вырвал тот ужасный осколок стекла.

Щёлк. Осколок стекла, покрытый кровью, упал на пол. Му Цзиньюань крепко обнял Бай Иханя, который продолжал сопротивляться, и снова прошел через осколки, унося своего малыша из опасной зоны.

Он положил Бай Иханя на кровать и, словно став живой смирительной рубашкой, лег на него, обхватив его верхнюю часть тела, а своими длинными ногами зафиксировал ноги Бай Иханя, чтобы тот не мог двигаться.

Состояние Бай Иханя превратило его сердце, которое еще недавно было погружено в сладость, в ледяную пустыню, и все его тело стало холодным.

Он удерживал Бай Иханя своим телом, глаза покраснели, и горячая слеза наконец скатилась по его щеке. Голос его был горьким:

— Ихань, зачем ты так поступаешь? Из-за того, что случилось вчера? Вчера все было так хорошо, ты не отказал мне, даже называл мое имя, я думал... думал, что мы взаимны, если... если ты не хотел, почему ты не оттолкнул меня? Я люблю тебя, я не стал бы тебя заставлять.

Бай Ихань замер, его руки и ноги сразу же ослабли, и он распластался на кровати.

Му Цзиньюань подумал, что он наконец устал, и, боясь причинить ему дискомфорт, ослабил хватку, лишь слегка касаясь его, уткнувшись лбом в его слегка худое плечо. Он не решался смотреть на его тусклые глаза и хрипло сказал:

— Я знаю, это моя вина, ты был пьян, ты не был в себе, я подлый и бесчестный, я воспользовался моментом, я так сильно тебя хотел, я услышал, как ты зовешь меня, и чуть не сошел с ума от радости, я потерял контроль, не смог удержаться... это все моя вина, если ты действительно злишься, ты можешь бить меня, ругать меня, даже убить меня, я могу написать предсмертную записку, сказать, что это самоубийство, но ты не можешь... не можешь так себя ранить, не можешь... Ихань, ты не можешь так наказывать меня.

Каждое слово Му Цзиньюань Бай Ихань понимал, но, собранные вместе, они казались ему непонятными. Му Цзиньюань говорил, что любит его, что они взаимны, но как это возможно? Ведь всего несколько дней назад он вместе с сестрой объявил о помолвке, а теперь говорит, что любит его? А что насчет сестры?

«Если он любит его, то зачем женится на сестре? А в прошлой жизни почему не принял его признание? Почему уехал и никогда не вернулся? Неужели он сошел с ума и видит галлюцинации?»

Он сжал раненую руку, ущипнув ладонь, и боль была реальной, но видение не исчезло, как иллюзия.

Му Цзиньюань, не слыша его ответа, с тревогой поднял голову и увидел, что тот смотрит на него с растерянностью и недоумением, без ожидаемого отвращения или ненависти. Его сердце пропустило удар, и он вспомнил слова Бай Иханя, его извинения, что он думал, что это сон, и что он не будет его беспокоить.

Сердце Му Цзиньюана, которое уже начало замирать, снова забилось, и в нем появилась искра надежды. Он размышлял, но не мог сдержать своего желания и с последней надеждой осторожно спросил:

— Ихань, ты меня ненавидишь?

Бай Ихань тупо покачал головой. Как он мог ненавидеть Цзиньюана? Это он всегда был тем, кого ненавидели.

Глаза Му Цзиньюана загорелись, и он медленно приблизился, пока их носы почти не соприкоснулись.

Бай Ихань, конечно, не чувствовал отвращения к его дыханию, но не понимал, что тот делает,

и продолжал смотреть на него растерянными глазами.

Му Цзинъюань медленно выдохнул и мягко спросил:

— Ихань, ты на меня злишься?

Бай Ихань снова покачал головой. Это он сам соблазнил Му Цзинъюаня, на что ему злиться?

Му Цзинъюань снова облегченно вздохнул, одной рукой взял его раненую правую руку и, все еще находясь близко к его лицу, мягко спросил:

— Тогда скажи мне, зачем ты себя ранил? Ты понимаешь, насколько это было опасно? Я чуть не умер от страха.

Глаза Бай Иханя все еще были пустыми, его бледные губы слегка приоткрылись, и он наконец сказал:

— Вы с сестрой скоро поженитесь, я не хочу разрушать ваши отношения... ты будешь ненавидеть меня, мне не стоит существовать.

Сердце Му Цзинъюаня сжалось от боли, его голос стал хриплым:

— Кто сказал, что тебе не стоит существовать?! Я люблю тебя всем сердцем, как могу тебя ненавидеть? О чем ты говоришь? Что касается моей помолвки с Сюэцин, это всего лишь договоренность, это... сложно объяснить, но ты должен знать, что твоя сестра уже знает о наших отношениях, и она сказала, что поможет нам.

Бай Ихань смотрел на него с недоверием, подумал, и его лицо снова побледнело:

— Сестра любит тебя, она узнала о вчерашнем, как она должна страдать? Она больше не будет иметь со мной дела... я действительно...

— Он снова хотел сказать, что ему не стоит существовать, но, вспомнив, как Му Цзинъюань менялся в лице при этих словах, решил промолчать.

Му Цзинъюань осторожно успокоил его:

— Ихань, не переживай, как она может тебя игнорировать? Она только что очень беспокоилась о тебе, боялась, что я тебя обидел, что ты страдаешь, она очень любит тебя, и она не любит меня по-настоящему, она... она любит Шэнь Тяньяна.

— Он хотел объяснить Бай Иханю, что любовь Бай Сюэцин к нему не была романтической, но, видя, как тот заикнулся на этом, решил сменить тему. Позже ему придется договориться с Бай Сюэцин.

Бай Ихань с удивлением воскликнул:

— Как это возможно?

— Он помнил, что в прошлой жизни сестра всегда любила Му Цзинъюаня.

Му Цзинъюань, уже начав врать, продолжал уверенно:

— Это правда, она сама мне это сказала. Если не веришь, я позову ее, и ты сам спросишь.

<http://bllate.org/book/16705/1534482>